

Даже если они были невысокого мнения о двойнике, называть его несоответствующим и одной десяти тысячной было явным преувеличением. Несколько учеников, взглянув на помрачневшее лицо Цземина, благоразумно решили промолчать о том, что вертелось у них на языках.

Улица тянулась прямо вперед, и вдалеке, возвышаясь над всем вокруг, виднелись алые чертоги и многоярусные павильоны, устремляющиеся в самые небеса. Именно туда направился тот самый господин Чжуйюнь, и именно там лежала их конечная цель – резиденция градоправителя.

Сама усадьба ничем не уступала императорскому дворцу. Возвышаясь в северной части города, она встречала их распахнутыми воротами, у которых уже дежурили слуги, поспешно отвесившие гостям поклон.

Внутри помещение оказалось еще просторнее, чем казалось снаружи, и поражало своей роскошью: беседки, павильоны, искусственные горы и журчащие ручьи, а вдоль карнизов тянулись галереи, напоенные дорогим ароматом благовоний.

Градоправитель выделил их делегации гостевой двор с тремя рядами построек. Пройдя по цветочной галерее, можно было услышать плеск воды: прямо напротив их двора располагалась боковая калитка другой усадьбы, куда то и дело сновали служанки и слуги, таскающие вещи.

Заметив их взгляды, сопровождающий управляющий пояснил:

– Нынче в резиденции гостит еще одна важная персона, и сегодня вечером она вместе с уважаемыми заклинателями посетит праздничный банкет.

Цземин отвел взгляд и коротко бросил:

– Хорошо.

Помещений в тройном дворе было с избытком: учеников внутреннего круга разместили в передней части, а Сюй Чжицю из-за особенностей его здоровья поселили во внутреннем дворе вместе с Чэнь Цзиншанем и Цземином.

По правде говоря, ему куда больше хотелось бы остаться с рядовыми учениками – глядишь, ночью удалось бы поболтать от души и обменяться свежими сплетнями.

Двое других отправились с управляющим осматривать комнаты, а он остался на месте, присев на корточки у края дорожки и наблюдая за бесконечным бегом воды.

В верховьях ручья, должно быть, росло какое-то цветущее дерево, потому что белые лепестки кружились в потоке, уносимые течению в неизвестном направлении. Один из лепестков застрял в выемке выступающего камня; Сюй Чжицю сунул руку в холодную воду и слегка шевельнул пальцем – лепесток освободился и, продолжая кружиться, поплыл дальше.

– Вода холодная, постарайся поменьше с ней контактировать.

Позади раздались шаги, смешанные с голосом, и, обернувшись, он сразу же увидел протянутый носовой платок.

Взяв ткань, чтобы кое-как вытереть руку, он вернул платок Чэнь Цзиншаню и послушно отозвался:

– Ладно-ладно.

Все его обещания стоили ровно столько же, сколько воздух, на котором произносились. Чэнь Цзиншань уже давно изучил эту его дурную привычку, а потому, аккуратно складывая платок и убирая его, принялся с неиссякаемым терпением давать наставления вновь и вновь.

Цземин, который тоже вернулся во двор, молча наблюдал за ними со стороны и лишь после того, как все поучения подошли к концу, произнес:

– Если господину Сюю нездоровится, он может отдохнуть здесь. Ночь нынче холодная, не стоит утруждать себя и идти на банкет через силу.

Стоявший рядом управляющий услышал это, почтительно склонил голову и мягко возразил:

– Об этом уважаемому заклинателю беспокоиться не стоит. Банкет пройдет в главном зале, а поскольку у нашей второй высокой горы в последнее время тоже слабое здоровье, градоправитель приказал приготовить целебные блюда. В зале тепло, так что переживать не о чем.

Цземин бросил мимолетный взгляд на Сюй Чжицю и замолчал.

Даже если условий нет, их можно создать. Похоже, сегодня вечером ему никуда не деться. Сюй Чжицю скривил губы в усмешке:

- Ну раз так, грех не пойти и не приобщиться к прекрасному.
- Тогда попрошу уважаемых цзюней пока немного отдохнуть, а как только банкет будет готов, я лично за вами зайду.

Управляющий не стал задерживаться: отвесив поклон, он пятясь удалился, причем половина слуг и служанок ушла вместе с ним, а остальные остались.

Шагая по дорожкам мимо переднего двора и цветочной галереи, стоило ему выйти за главные ворота, как он тут же прибавил шагу и обратился к сопровождающему слуге:

- Где градоправитель? Человек сейчас в каком крыле?

Слуга даже не смел поднять голову и испуганно пробормотал:

- В саду Маньфан-тин.

Банкет на носу, а он все еще там. Хотя догадка уже закрадывалась в мысли, услышав это, управляющий невольно вздохнул. Он хотел было что-то приказать, но в последний раз передумал и бросил:

- Ладно, я сам пойду поищу градоправителя.

Сад Маньфан-тин изначально был точно таким же гостевым двором, как и остальные, но после того, как там однажды остановился сам владыка Цзюньхуа, это место превратилось в его личные покои. Даже после его гибели они оставались нетронутыми – так и стояли пустыми, превратившись в запретную зону, которую никто в резиденции не смел упоминать всуе.

В будние дни, если градоправитель не находился в своей спальне или кабинете, больше всего времени он проводил именно там. Спустя столько лет он даже не думал отпускать прошлое.

Пышные цветы устилали весь двор, зеленые ветви мерно покачивались на ветру, а багряные лучи закатного солнца пробивались сквозь резные деревянные окна, заливая полумрак комнаты ровным светом, покрывавшим пол сплошным золотистым ковром.

На резной деревянной кушетке у окна смутно угадывался чей-то силуэт; ярко-красная парча свисала с ложа почти до самого пола, а вышитые золотыми и серебряными нитями облака и парящие журавли отражали свет, рассыпая вокруг мириады искр, которые на мгновение падали на ветки цветов у стола.

Небрежно раскинувшись на кушетке, Хуа Чжэнмань одной рукой лениво подпер голову, а в другой приподнял крошечный, размером меньше половины ладони, обломок старого железа. Тонкие края металла уже затерлись, поверхность покрывали выбоины и густые пятна ржавчины.

Он выглядел как самый обычный кусок хлама, валявшийся на дороге, и в нем совершенно нельзя было узнать ту самую смертоносную, ледяную остроту, что когда-то была направлена прямо ему в горло.

Совершенно не опасаясь порезаться о зазубренные края, он медленно, задумчиво оглаживал железяку пальцами, прикрыв глаза в наступившей тишине.

Но покой длился недолго: из-за пределов двора донеслись шаги, приближающиеся издалека.

Один глаз чуть приоткрылся, и он лениво глянул на того, кто переступил порог.

Незванный гость был облачен в одежды цвета лунного света; решительным шагом войдя в комнату и окинув ее беглым взглядом, он остановился, заметив хозяина, и поприветствовал его:

– Градоправитель.

Спрятав кусок железа в рукав, Хуа Чжэнмань поднялся с кушетки, небрежно закинув ногу на ногу, и лениво протянул:

– Вернулся?

Этим гостем оказался не кто иной, как молодой господин Чжуйюнь, еще недавно проскакавший верхом по городской улице. Войдя, он сразу заметил железо, мелькнувшее в чужих руках, и его лицо едва заметно изменилось, но он тут же взял себя в руки, не выказав и тени эмоций, лишь справился:

– Слышал, градоправитель сегодня устраивает пир для гостей.

Хуа Чжэнмань бросил на него косой взгляд.

Не утруждая себя хождением вокруг да около, Чжуйюнь прямо спросил:

– Не подскажите, могу ли я тоже присутствовать?

Услышав это, Хуа Чжэнмань поднялся с лежака и направился прямо к нему.

На нем не было широкого верхнего халата – лишь просторная распахнутая рубаха, сквозь которую отчетливо угадывались широкие плечи и узкая талия, придающие его облику небрежную, вызывающую распушенность. Когда расстояние между ними сократилось, Чжуйюнь невольно опустил взгляд, однако чужие шаги даже не замедлились, проходя мимо него.

Хуа Чжэнмань шел вовсе не к нему. Он остановился у деревянной вешалки позади, где висел халат цвета лунного света, слегка наклонился и бережно разгладил малейшую складку на его подоле.

Это была та самая одежда, которую оставил здесь владыка Цзюньхуа, – единственная вещь помимо ржавого обломка, что хранилась в этих стенах. За ней ухаживали каждый день, и искусно вышитый серебром узор на кайме по-прежнему сиял чистотой, словно наряд сменили только вчера.

Пальцы, опущенные вдоль бедер, едва заметно дрогнули, и прежде чем Чжуйюнь успел снова заговорить, тот, кто только что занимался одеждой, ровным тоном произнес:

– Можно. Но я не советую.

Это означало разрешение, и лицо Чжуйюня тут же озарилось радостью.

Но улыбка еще не успела расцвести на его губах, как стоявший неподалеку мужчина резко выпрямился, стремительно приблизившись к нему, и попутно неторопливо извлек из рукава носовой платок.

Чжуйюнь поначалу даже не понял, зачем тому понадобился платок, но когда в следующий же миг лицо пронзила непреодолимая, грубая сила, его зрачки сузились, а по коже моментально

разлилась жгучая боль.

– Ты, кажется, забыл одну простую истину. Напомню тебе в последний раз, – сжав чужое лицо сквозь ткань платка и заставляя запрокинуть голову, в персиковых глазах Хуа Чжэнманя мелькнула его природная, опасная улыбка, и он тихо проговорил:

– Ты всего лишь похож на него. Ты – не он. Кажется, я уже говорил: без моего позволения никому не дозволено ступать сюда.

Его щеки оказались зажаты в тисках, лишая возможности пошевелиться или вымолвить хоть слово, и Чжуйюню оставалось лишь в отчаянии моргать глазами, показывая, что он все понял.

Хуа Чжэнмань ненавидел видеть его таким больше всего на свете: это лицо, имеющее лишь отдаленное сходство с оригиналом, лишь сильнее отдаляло его от того образа, что хранился в памяти.

Тишину нарушили новые шаги.

Они доносились со стороны двора – это управляющий, шедший напрямик от резиденции заклинателей секты Сюаньшань, остановился у самого края крыши, не смея ступить дальше, и доложил:

– Градоправитель, время позднее, пора готовиться к банкету.

Услышав это, Хуа Чжэнмань наконец разжал пальцы, брезгливо вытер руку о платок, швырнул его на пол и зашагал прочь.

Багрянец заката, напоминающий языки пламени, постепенно угасал, и когда небо окончательно погрузилось во тьму, Сюй Чжицю вместе с делегацией Цземина направился к месту проведения банкета.

Все происходящее мало касалось его и остальных второстепенных учеников: пока Цземин шел впереди, обсуждая с Чэнь Цзиншанем детали предстоящего приема, Сюй Чжицю затерялся в толпе младших учеников, болтая о всякой всячине и слившись с ними так органично, что никто бы и не подумал заподозрить в нем чужака.

Ни политические интриги, ни обмен выгодой их не волновали – задача учеников заключалась лишь в том, чтобы поесть, выпить и набраться уму-разуму.

Впервые оказавшись в столь роскошной резиденции градоправителя, молодые люди глазели по сторонам сгорая от любопытства, и кто-то из них тихо шепнул:

– Интересно, что он за человек, этот градоправитель?

До них доходили лишь смутные, полulegenдарные слухи, и теперь, когда им впервые предстояло увидеть его воочию, всем не терпелось узнать, насколько реальность совпадает с байками.

Сюй Чжицю с самого порога чувствовал себя отвратительно, а перспектива провести здесь весь вечер и вовсе вызвала тоску, поэтому слова сорвались с языка сами собой:

– Обыкновенный мешок с деньгами и вином, возвращенный посреди пудры и румян.

–?

Какая колкая и дерзкая оценка, высказанная без малейшего намека на почтение! Ученики тут же уставились на него с изумлением.

Этот человек время от времени выдавал такие фразы, что казалось, будто у него в запасе есть не меньше десятка жизней.

Поймав на себе их ошеломленные взгляды, Сюй Чжицю неторопливо добавил:

– Я просто повторил то, что слышал от других.

А, так это чужие слова. Ученики шумно выдохнули и принялись предостерегать его: мол, языком надо трепать осторожнее, все-таки они находятся на чужой территории.

Впереди уже показался банкетный зал.

Продолжая общий архитектурный стиль усадьбы, здание было целиком построено из красного дерева, украшено резными балками и расписными потолками. Из пастей зверей, отлитых из

редких металлов, свисали ночные жемчужины, заливая мягким светом каждый уголок.

В два ряда выстроились служанки, а посредине зала стоял человек. На нем была красная нижняя сорочка, прикрытая белым халатом с золотой вышивкой, которая ярко сверкала в лучах света; его персиковые глаза излучали природное веселье, источая труднообъяснимую, шальную удаль.

Тот самый «мешок с вином и пудрой». Правда, внешне он ни капли не походил на пресловутого сибарита: напротив, его лицо и ладная фигура поражали воображение, а исходившая от него природная властность и благородство не оставляли сомнений – и его взгляд как раз скользнул прямо в их сторону.

<http://bllate.org/book/18820/1865185>